

Вера
Крыжановская-Рочестер

**БЕНЕДИКТИНСКОЕ
АББАТСТВО**

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская-Рочестер, В.

К85 Бенедиктинское аббатство / В. Крыжановская-Рочестер. — М. : Т8RUGRAM. — 486 с.

ISBN 978-5-519-62944-7

Вера Ивановна Крыжановская-Рочестер (1857–1924) — русская романистка, известная женскими, историческими и оккультными произведениями.

«Бенедиктинское аббатство» — мистический роман о загадках и ужасах Бенедиктинского аббатства и окрестных замков, которые становятся известны благодаря исповедам главных героев. Но всегда ли Свет побеждает Тьму?

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
VIC FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

ИСПОВЕДЬ ПАТЕРА САНКТУСА	5
ИСПОВЕДЬ ГУГО ФОН МАУФФЕНА	231
ИСПОВЕДЬ ЛОТАРЯ ФОН РАБЕНАУ	375
ЭПИЛОГ	477

ИСПОВЕДЬ ПАТЕРА САНКТУСА

В то время, когда я стал себя помнить (рассказ этот относится к началу XII века), мне было четыре или пять лет и я совершенно не знал, кто были мои родители и где я родился. Жил я в башне старого развалившегося замка, под наблюдением старого воина и его жены, добрых почтенных людей, искренно любивших меня; но они не были моими отцом и матерью.

Часть замка, еще сохранившаяся от разрушения, тщательно запиралась, и я знал только, что при помощи большой связки ключей, хранившейся в сундуке моего приемного отца, можно было открыть комнаты, в которых, однако, я никогда не был.

Жизнь моя текла спокойно и относительно счастливо. Я не чувствовал ни в чем недостатка; ел когда хотел, играл совершенно свободно, лазил по деревьям, разоряя птичьи гнезда, бегал по запущенному саду и пустым комнатам разрушившейся части замка, который называли Рабенест, и таким образом достиг двенадцатого года.

Как-то вечером все мы сидели за ужином. В камине весело сверкал огонь, погода была ужасная, дождь лил ручьем, ветер свистел и ревел в развалинах, а крик сов, гнездившихся в нашей башне, усиливал страшное впечатление, заставляя в то же время сознавать приятный контраст между безопасным теплым жильем и бушевавшей бурей.

Но вдруг мы вздрогнули от раздавшегося лошадиного топота и крика:

— Эй!

Мой приемный отец взял прикрепленный к стене факел и бросился на улицу, куда и я побежал за ним. Сильный порывистый ветер едва не задул факела, но все-таки мы рассмотрели в нескольких шагах от нас группу всадников.

— Подойди, старик! — звучным голосом сказал стоявший ближе других. — Именем графа фон Рабенау, отвори нам комнаты замка, — прибавил он, протягивая кольцо с гербом.

— Я весь к вашим услугам, господин. Извольте следовать за мною, — сказал отец мой, отвечивая низкие поклоны.

Затем он пошел за ключами и позвал пастуха поддерживать лошадей.

Тогда я увидел, что прибывших было шестеро, из них два рыцаря с опущенными забралами и четыре оруженосца.

Господин, говоривший с отцом, был внушительного вида с гордо закинутой головой; второй рыцарь держал голову опущенною, и в руках у него было что-то завернутое в плащ. Свита следовала за нами на почти-тельном расстоянии.

Я также взял факел и помог отцу осветить узкую извилистую лестницу, которая вела в комнаты, где еще можно было жить.

Наконец отец отворил массивную дверь, и мы вошли в комнату, какой я еще никогда не видал.

Это была длинная, довольно обширная зала, с низким потолком из огромных бревен; несколько узких, словно бойницы, окон, глубоко сидящих в толстых стенах, давали очень мало света днем. Посредине стоял

большой стол почерневшего дуба и такие же стулья с высокими спинками, украшенными гербами, а против окон возвышался огромный камин.

Приемные родители мои и пастух усердно занялись приведением всего в порядок и вскоре мрачная зала приняла более уютный вид; в серебряном канделябре зажгли желтые восковые свечи, принесли дрова и в камине засверкал веселый огонек.

Из прибывших только двое сели, остальные стояли. Когда оба рыцаря подняли забрава, я с любопытством стал рассматривать их; у того, кого можно было принять за главного, было матовой, но не болезненной бледности лицо, с маленькой шелковистой, вьющейся бородкой. Огненный взгляд его черных, властных глаз трудно было выдержать.

Неожиданно для меня он спросил:

— Кто ты?

Рыцарь внушал мне мало доверия, и я со страхом пролепетал:

— Я... я?

И собрался убежать.

— Конечно ты, маленькая жаба, — произнес рыцарь, удерживая меня за руку.

— Я, — отвечал я прерывающимся голосом, до такой степени чувство страха и негодования охватило меня при имени жабы, — я, Энгельберт, приемный сын отца Гильберта.

При этом имени рыцарь вздрогнул; выпустил мою руку: он поспешно взял канделябр и осветил мое лицо, словно вглядываясь в меня. Лицо его нахмурилось, и с уст сорвался возглас удивления:

— Взгляни на этого мальчика, Бруно. Не находишь ли ты в нем знакомые черты?

Второй рыцарь поднял голову и остановил на мне на миг усталый взор.

В свою очередь он также вздрогнул.

— Роза! Это ее черты, — сказал он в волнении.

— Тише! — остановил его первый, бросая недовольный взгляд на четверых оруженосцев, стоявших в нескольких шагах от них.

Он нагнулся к своему товарищу, и они стали говорить шепотом.

Мне было легко разглядеть их, и я увидел, что говорившему со мною рыцарю было около двадцати или двадцати двух лет; другой же был много старше, лет за сорок. Он был очень бледен, а на сжатых губах застыло грустное и горькое выражение.

Только теперь я заметил на его руках маленькую девочку, пяти или шести лет, крепко спавшую, прижав голову к груди своего покровителя. Ее светлые, густые, вьющиеся волосы ореолом окаймляли лоб, и она мне представлялась ангелом.

Когда рыцари окончили свой разговор, они скоро отпустили меня. Вышел я точно во сне и опомнился только в нашей башне, куда мои приемные родители также пришли вскоре. Пока мы оканчивали так неожиданно прерванный ужин, мать Бригитта рассказала, что рыцари еще долго оживленно спорили, потом отпустили ее, приказав уложить малютку, прелестную и кроткую девочку.

Я заснул очень взволнованный, а утром Бригитта разбудила меня, расталкивая и крича:

— Вставай, лентяй! Все уже на ногах и путешественники уехали.

— Как! Уже уехали? — сказал я, огорченный.

— Не все, успокойся, — ответила мать Бригитта, смеясь. — Один из рыцарей остался с девочкой, и они будут здесь жить. Забавная фантазия у богатых людей, — прибавила она, пожимая плечами, — похоронить себя в этом старом развалившемся гнезде, окруженном лесом и так далеко от города! Этот старый Рабенест годится беднякам, вроде нас, которые будут счастливы везде, где есть кров и пища.

Я поднялся с постели в большой задумчивости, горько сожалея, что не видал более молодого рыцаря с поразительными чертами лица.

* * *

Несколько дней я не видел ни рыцаря, ни девочки, и жизнь пошла своим обычным порядком. Перемена была только в том, что мать Бригитта стала готовить обед для новых обитателей, а я таскал из погреба бутылки старого вина.

Мать Бригитта рассказывала чудеса о красоте и кротости маленькой Нельды, которую она имела честь одевать и укладывать.

Однажды, забравшись в сад, я увидал этого ребенка сидящим на траве и игравшим цветами.

Увидав в моих руках птичку, которую я только что поймал, девочка подозвала меня. Я подошел, сел около нее и показал ей птичку. Она гладила своими розовыми пальчиками ее голову и просила меня подарить ей ее. Я охотно согласился, и Нельда была в восторге.

— Пойдем, — сказала она, взяв меня за руку, — пойдем к отцу. Он даст нам чего-нибудь сладкого.

Она повела меня по лестницам и коридорам, пока не остановилась у слегка приотворенной дубовой двери. Заглянув сначала, она впустила меня в комнату, вид которой удивил меня.

Она освещалась одним окном, а на полу и на мебели были во множестве нагромождены книги и рукописи. За высоким столом сидел спиной к нам, склонив голову на руку, старший из двух рыцарей. Он читал открытую огромную старую книгу.

— Отец, отец, — кричала Нельда. — Посмотри, этот добрый мальчик подарил мне прелестную птичку. Его зовут Энгельберт. Дай мне чего-нибудь сладкого угостить его.

Услышав голос дочери, рыцарь обернулся, и я заметил, что он покраснел. Он поднялся со своего места и нагнулся ко мне, положив на мое плечо тонкую белую руку. Я увидел, что лицо его было очень печально, а глаза необыкновенно добры.

Через минуту он отвернулся со вздохом и, подойдя к сундуку, достал оттуда тарелку с засахаренными фруктами.

Подав ее Нельде, он сказал:

— Возьми и угощай своего нового друга.

Она не заставила повторять и, усевшись на груды старых книг, мы принялись за угощение.

После того, как мы полакомились, Нельда показала мне свои игрушки и все, что находила интересным.

— Что там? — с любопытством спрашивал я, указывая на толстые тома.